

Экшн-сцена 1.

Я стою посреди дороги, что змеёй извивается меж заснеженных скал. Товарищи неизменно рядом, сжимают копья и топоры, шумно дышат в стальные забрала. Жаждут крови, жаждут отомщения. Как и я. Ждать недолго: большая группа людей шагают навстречу с пожитками, прячут детей и стариков от режущего ледяного ветра в крытых повозках. Стремятся выдать себя за беженцев, но правду не скрывать за сгорбленной спиной и жалобным взглядом. Медленно шагаю навстречу, раскачивая секиру в руке. Говорить с ними — мой долг как командира отряда. Бойтесь, звери, ибо мы знаем всё. — Стоять, мерзавцы! Вы больше не ступите ни шагу по нашей земле. Сдавайтесь, и суд над вами будет скорым.

— Да что, чёрт возьми, ты такое несёшь? — один из идущих в начале колонны обнажил меч, — Что у тебя за проблемы с нами?

— Мы знаем о вашем жертвоприношении! — ярость заставляет кровь кипеть, силу — наполнять руки, — Твари, что убили десятки наших друзей и любимых во имя Падшей Звезды, ваш путь окончен! Повторяю ещё раз: сдавайтесь!

Со звоном и лязгом обнажились десятки клинков. Улыбаюсь — не отступают, хотя пред смертью развлечь нас. Спасибо, что не стали отрицать своё преступление и избавили старейшин от необходимости вершить суд. Бросаю взгляд на товарищей — в руках острая сталь, в глазах — неугасимое пламя. С такими не страшно ринуться в бой даже против Звезды. Под песнь рога и радостный вопль врываемся в ряды отступников, проламывая щиты, разрубая плоть, унося жизни. Секира поёт, врезаясь в кольчуги, ломая кости, отрывая куски плоти. Кровь красит снег в алый, а сладкие крики агонии виновных поднимают боевой дух. Только вот на место убитого приходят трое живых, ещё яростнее предыдущих.

Не легко сохранять силу натиска; краем глаза замечаю, как товарищей валят в мокрый снег и вонзают копья меж рёбер. Сжимаю челюсти до треска в зубах, но не могу отступить и помочь им: ветер доносит до слуха гнусное пение колдунов, что замыслили ритуал прямо на поле боя. Больше нет времени наслаждаться битвой и играть с каждым встречным врагом. Пробиваюсь сквозь ряды преступников к источнику звука. Вижу их: всемером стоят, воздев руки к небесам, протяжно поют заклинания. Мантии их трепещут на ветру, хлопая и извиваясь. Всё из-за них! Маленький метательный топорик, что всегда ношу на поясе, с глухим свистом режет горный воздух и с хрустом раскалывает череп одного из колдунов надвое. Тут же четверо отступников окружают меня, а пение продолжается с удвоенной громкостью.

Тычут копьями, рубят мечами, но этого мало, чтоб стать препятствием моей ярости. Зазубренная секира за несколько резких неудержимых ударов рвет их кольчуги, отсекает кисти рук, выпускает внутренности. Кровь хлещет из широких ран, и в этот раз не только из чужих. Падаю на колени в снег, опираясь на верное оружие. Товарищей рядом нет, их теснят подальше от колдунов. По нарастающему темпу песни понимаю, что конец их ритуала близок. Ну уж нет, так просто я не опущу руки. Сквозь боль поднимаюсь и сжимаю рукоять секиры. Сапоги с чавканьем входят в жидкий алый снег снова и снова. Взмах, и ещё один колдун валится наземь с рассечённой поперёк позвоночника спиной. Этого словно никто не заметил. В середине круга рождается чёрное пламя; страшно становится уже мне. Неужто они замыслили призыв Падшей? Нет... Нельзя допустить этого!

Тело, однако, слабее разума. С каждой секундой идти и рубить все тяжелее, словно я по горло в воде. Пелена смерти медленно застилает взор. Понимаю, что недолго мне осталось. Вкладываю последние силы в удар, вонзая лезвие секиры в живот истощенного колдуна. Вынуть её сил уже нет. Падаем вместе с последним убитым, но языки чёрного пламени продолжают вырываться из-под земли. Трещины с хрустом разбегаются по дороге, мелкие камушки отлетают вверх. Бесформенное нечто вырвалось из-под земли облаком чёрного тумана. Осколками скал засыпало всех вокруг; чёрное пламя окутало повозки и остывающие тела. Медленно туман уплотнился в нечто подобное человеку с длинным двуручным мечом. Бесплотный дух соткан из шёпота миллионов мертвецов, я слышу их последние слова сперва где-то издали, затем прямо у себя в голове. Огонь жизни в груди потихоньку угасает, но все же он ещё не оставил меня.

Секира с хрустом и лёгким звоном покидает тело колдуна. Чавкающая снежно-красная жижа застывает в языках холодного чёрного пламени и хрустит под сапогами. Глубоко дышу в надежде раздуть свой огонь ещё ненадолго. Дух видит меня, но остаётся на месте. Рукавицы с треском сжимают рукоять оружия, вопль эхом отражается от скал. Чувствую лютый холод в сапогах. Гляжу вниз: толстый слой изморози с ледяным хрустом поднимается от ступней к коленям и выше. Я успею ударить тебя, сволочь, хотя бы один раз.

Дух взмахивает мечом на уровне моей шеи.

Темнота.